

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ XX ВЕКА

УДК 94:321:329:(47+57)''1920/1940''

К ИСТОРИИ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИДЕИ: С. С. МАЛЕВСКИЙ-МАЛЕВИЧ И ЕГО ПРОЕКТ ОБУСТРОЙСТВА РОССИИ

А. Ю. Прудников

Проанализирован политический проект С. С. Малевского-Малевица в контексте идей раннего евразийства. Выявлены основные сходство и различие модели идеального государства, предложенной идеологами евразийства 1920-х – 1930-х гг. и Малевским-Малевицем. Делается вывод о смягчении в его концепции антизападничества и антидемократической риторики по сравнению с ранним евразийством.

Ключевые слова: С. С. Малевский-Малевиц, Н. Н. Алексеев, Н. С. Трубецкой, евразийство, «гарантийное государство», «идеократия», демократия.

Евразийство как идейно-политическое течение обязано своим появлением на свет русской эмиграции межвоенного периода. Пожалуй, сегодня это одно из наиболее известных и часто упоминаемых политических движений того времени. Многие евразийские политические и историософские концепции остаются весьма востребованным и в среде современной российской интеллектуальной и политической элиты. В том числе по этой причине к историческому, «аутентичному», евразийству первой половины XX в. у исследователей всегда возникал большой интерес. Евразийство в итоге нередко квалифицируется как явление, организационная история и идейно-политическая эволюция которого хорошо изучена. Однако такие оценки небесспорны.

Сегодня в научный оборот не введено по-прежнему значительное число важных документальных источников, проливающих свет на малоизученные аспекты евразийства. Как справедливо отмечает Р. Р. Вахитов, ситуация с их републикацией до сих пор далека от идеала, что создает предпосылки внесения все новых корректив в научное осмысление евразийства в его различных ипостасях¹.

Одна из таких лагун, с нашей точки зрения, это идейное творчество участников евразийского движения после Второй мировой войны. В исследованиях о евразийстве широко распространена точка зрения, согласно которой это движение полностью прекратило свое существование и как политическая организация, и как развивающаяся политическая идея в конце 30-х гг. XX в.² На это время пришлось кончина основателя евразийского движения князя Н. С. Трубецкого и прекращение активной деятельности остальных его участников из-за начавшейся Второй мировой войны. Послевоенное время для евразийцев оказалось не более благосклонным, чем период нацистских гонений. После 1945 г. на евразийцев, как и на других активистов эмигрантских политических кружков, обрушились советские репрессии. Лидер евразийцев конца 30-х гг. П. Н. Савицкий оказался узником советских лагерей, и даже после освобождения и возвращения в Прагу преследование его не прекращалось, ввиду чего продолжение полноценной идейно-политической работы стало практически невозможным. Гонениям подвергся и другой видный участник евразийского движения, Н. Н. Алексеев, получивший советское гражданство, но так и не вернувшийся в СССР.

Вместе с тем, на наш взгляд, имело место и разочарование многих участников движения в своих прежних идеалах. Они, как и их современники, члены других эмигрантских политических движений, вынуждены были пересматривать свои взгляды на итоги Второй мировой войны. Евразийство, изначально настроенное против Запада, «европоцентризма» и «европоклонничества», а вслед за этим и против парламентской демократии и капитализма, на этом фоне оправдывало диктатуры Муссолини и большевиков³. Таким образом, оно оказалось в числе скомпрометированных идей межвоенного периода.

Как известно, евразийство обязано своим появлением на свет главным образом книге князя Н. С. Трубецкого «Европа и человечество», после публикации которой выяснилось, что у ее автора

есть немало единомышленников, готовых перейти от слов к делу. Евразийская идеология, претендовавшая на статус пореволюционной⁴, предполагала выдвижение в числе первых требований ниспровержение, и лишь позже была постепенно представлена положительная программа евразийцев. Первое их «Долой!» прозвучало в адрес европеизации России, якобы целенаправленно осуществлявшейся домом Романовых, и против Европы как активного проводника самой идеи универсализации мира. Критика князем Трубецким поработавшей народы насильственной европеизации первоначально стала стержнем всей евразийской программы. Отрицание Запада («романо-германской культуры»), Европы – в терминологии Трубецкого) явилось сутью евразийства. «Движение осудило Европу до того, как стало проповедовать Евразию», – справедливо отмечает М. Ларюэль [Ларюэль, 2004, с. 46].

«Мы должны привыкнуть к мысли, что Романо-германский мир со своей культурой – наш злейший враг», – писал в своей статье «Русская проблема» основатель евразийства [Трубецкой, 1993, с. 57]. Как отмечает С. Глебов, «вся идеология евразийства была сфокусирована на конструировании и поддержании множественности границ между Европой и Россией-Евразией, причем если за Европой закреплялись такие свойства, как индивидуализм, механицизм, рационализм, безрелигиозность и агрессивность, то Россия-Евразия была коллективистской, телеологичной, мистической, органичной и православной» [Глебов, 2010, с. 107].

Критикуя Европу, евразийцы порицали образ современности, все то, что было связано с европейской модерностью. Подтверждение неприятия Европы как олицетворения модерности, не выраженного четко в опубликованных работах, можно обнаружить в личной переписке Н. С. Трубецкого. Рассуждая о течениях в европейском искусстве, он связывает футуризм с ненавистной ему европейской современностью, которая, по его словам, превратилась в «фабрично-городскую культуру», «безобразное, извращенное создание рук человеческих», «омерзительную вавилонскую башню»: «...суть и первопричины футуризма именно в смаковании и воспевании машинно-бетонно-бензинно-и т. д.-европейской современности...». «Глубоко ненавижу Европу, я такое искусство [футуризм] даже ценю, так как оно с наглядностью изображает всю отвратительность Европы», – писал Трубецкой [Трубецкой, 2008, с. 29–30].

Те из евразийцев, кто избежал нацистских и советских репрессий и, таким образом, «пережил» движение и смог оценить его идеологию с позиций послевоенного мира, оказались намного более лояльными к Западу и его ценностям, чем это было ранее. Хорошо видно это на примере позднего творчества Г. В. Вернадского, пытавшегося примирить в своих исторических концепциях Восток и Запад в истории России. После войны против некогда пропагандируемых идей резко стал выступать и Н. Н. Алексеев. Он обрушился с критикой на платоновские идеалы государства философов, признав в этой идее путеводную нить фашистских режимов Европы, хотя основной компонент политической доктрины евразийства – учение об идеократии – являлся калькой с Платонова царства идей⁵ (итало-фашистский режим Трубецкой в своей программной статье «О государственном строе и форме правления» признавал несовершенной идеократией, но при этом меньшим злом, чем буржуазная парламентская демократия).

Особенно четко эта тенденция проявилась в творчестве давнего члена евразийского кружка Святослава Святославовича Малевского-Малевица, издавшего в 1970-е гг. своеобразный манифест обновленного евразийства, в котором он на основе ряда политических концепций Н. Н. Алексеева и других евразийцев выдвинул программу сближения СССР и стран Запада уже против Азии и «желтой угрозы» в лице Китая⁶. Идеино-политическое творчество С. С. Малевского-Малевица представляет собой один из примеров того, в каком направлении могла эволюционировать евразийская политическая доктрина. Эта работа, по нашим сведениям, не замеченная в обширном корпусе современных исследований евразийства, очевидно, требует внимания научного сообщества.

Ее автор, пусть и не сыгравший сколько-нибудь заметной роли в евразийском движении в период его расцвета, попытался возродить евразийство как проект политического переустройства СССР примерно 30 лет спустя после фактически прекращения существования этого течения⁷. Этот труд тем более интересен, что выдержанный в евразийских традициях (со ссылками на крупнейших деятелей движения, таких как П. Н. Савицкий, Н. Н. Алексеев, с упоминанием самого понятия «евразийства» и с заимствованием основных концептов евразийской доктрины, таких как «гарантийное государство», «идеократия», «функциональная собственность» и т.п.), он написан уже с позиций человека реальной политики (в течение 8 лет, с 1950 по 1957 г., Малевский-Малевиц являлся пер-

вым секретарем посольства Бельгии в СССР).

С. С. Малевский-Малевиц, анализируя социально-экономическое и внешнеполитическое положение СССР, пришел к выводу о полном крахе коммунистического эксперимента (к такому выводу евразийцы приходили и в 30-е гг. XX в.). Вместо коммунизма в России он, следуя по стопам Н. Н. Алексеева, предлагает внедрить «гарантийное государство» и «идеократию» [Алексеев, 2003в, с. 372–385; Алексеев, 2003г, с. 386–624]. Впрочем, работа Малевского-Малевица не является лишь пересказом концепций Алексеева. Автор послевоенного евразийского проекта существенно изменяет евразийскую платформу именно в свете опыта, извлеченного «свободным», по его определению, миром (противопоставляемым несвободным тоталитарным коммунистическим диктатурам) из уроков Второй мировой войны, и обнажения сути тоталитарных режимов Запада и Востока. Внедряя в евразийский проект концепт тоталитаризма, Малевский-Малевиц противопоставляет ему авторитаризм как альтернативу, способную сохранить и даже конституировать свободу личности в целом ряде аспектов. В этой части он сохраняет актуальность поставленной еще отцами-основателями евразийства задачи создания идеальной политики, которая бы представляла собой синтез начал демократии и диктатуры. Ценно то, что автор спустя 30 лет дает нам основания переводить евразийство на более универсальный и современный язык теории тоталитаризма и авторитаризма. Он уже недвусмысленно указывает, что евразийство есть авторитарная доктрина, отличающаяся от либерально-демократических, но и не тоталитарная. В его логике евразийство – это нечто иное, при этом не переходное и не преходящее, а потенциально самодостаточное и исключительно устойчивое: «...будущая система управления федерацией должна быть авторитарного типа... Но чтобы не переходить в тоталитарные, тиранические режимы (как то фашистские или коммунистические), государственная власть должна подлежать действительному общественному контролю...» [Малевский-Малевиц, 1972, с. 138].

Вместе с тем авторитарное «гарантийное государство» Малевского-Малевица в гораздо меньшей степени противопоставляется Западу, чем это было в эпоху расцвета евразийства. Гарантийное государство и идеократия, о которых ведет речь автор, – для него прежде всего альтернатива коммунистическому тоталитаризму, а не упадочной, с точки зрения ортодоксального евразийства, западной парламентской демократии. В указанной работе мы не встретим теории «органического государства» и синтеза прав и обязанностей [Алексеев, 2003б, с. 155–168], в которых Н. Н. Алексеев прежде пытался примирить постулированный евразийцами примат интересов коллектива и государства с нечетко определенной необходимостью учета интересов личности. В данном случае автор вводит чуждый евразийству примат индивидуальной свободы над интересами коллектива, не скрывая, что эта идея почерпнута им из внешних источников: «Моральная основа государственности должна заключать в себе несколько простых, всем понятных и всеми приемлемых принципов. Первым из них, “краеугольным”, можно считать предложенный мне профессором Абдурахманом Кунта-Авгорхановым, принцип *примата человека над государством*...» [Малевский-Малевиц, 1972, с. 153].

Малевский-Малевиц предпочитает обозначить свою солидарность с советскими диссидентами и уже провозглашает в отличие от евразийцев-классиков свободу слова, печати, передвижения, вероисповедания и т.п.: «Свобода слова – право, за которое борются героически и самоотверженно лучшие граждане Советского Союза вот уже несколько лет, – должна быть предоставлена в полной мере всем представителям духовного творчества... личная свобода и неприкосновенность должны составлять основу будущего общественного строя» [Там же, с. 143–144]. Уважению к свободе личности при этом Малевский-Малевиц призывает учиться у западных стран. Таким образом, если основатель евразийства князь Трубецкой указывал на Европу как на главного врага России-Евразии, а европейская парламентская демократия выступала у него худшим строем, чем фашистская и коммунистическая диктатуры⁸, то у Малевского-Малевица все наоборот: Россия и Германия, создавшие коммунистические и национал-социалистские диктатуры, уподобляются концлагерям, что стало возможным именно из-за национальных особенностей этих народов: у них всегда было особенно развито «чувство преклонения перед властью и власть имущими...» [Там же, с. 152], а также легковерие, отсутствие критического взгляда, идейный фанатизм.

Вместе с тем нехарактерное для евразийцев самобичевание, признание исторической вины России, недостатков российской политической культуры сочетается у Малевского-Малевица с критикой западной политической модели, вполне евразийской по своей аргументации, но одновремен-

но нехарактерной для евразийства по мягкости тона и умеренности. Так, автор, высоко оценивая достижения западных демократий в области защиты прав своих граждан, все же считал, что эти демократии на деле не тождественны реальному народному правлению: «В этих странах правили, и правят еще, политические, деловые и профессиональные группировки, объединяющие малое число лиц» [Там же, с. 137]. Именно об этом писали и первые евразийцы, клеймя парламентские демократии Европы за их фальшь и культивируемую олигархию⁹.

Однако западные демократии более не получают от Малевского-Малевица презрительного ярлыка олигархии. В его трактовке они неизмеримо лучше тоталитарных режимов, поскольку в какой-то части отвечают принципам ответственности перед народом: «Что они не утопичны [принципы защиты прав человека], доказано примерами многих западных демократий, где правительства и министры несут довольно уже реальную ответственность перед парламентами и общественным мнением» [Малевский-Малевиц, 1972, с. 154].

В то же время в качестве самого весомого аргумента неприемлемости для будущей посткоммунистической России западной модели демократии Малевский-Малевиц привел специфичность российской ментальности: «По отношению к СССР и к его гражданам надо еще отметить, что его населению настолько чужды западные демократические формы правления, что – по всем доходящим к нам откликам – к ним оно и не стремится» [Там же, с. 138]. Нежелательность распространения модели западной демократии на весь мир вытекает у Малевского-Малевица и из принципа культурного партикуляризма, лежавшего в основании евразийства. «...нет никакой нужды устанавливать повсеместно одну и ту же культуру, цивилизацию или одинаковую форму правления. Что подходит одному народу и одной стране, не годится для других» [Там же, с. 160], – отмечает он, повторяя известные евразийские тезисы и экстраполируя их на тематику импорта политических институтов.

Однако западная демократия у Малевского-Малевица более не выглядит как упадочная форма политической организации общества, и приход ей на смену «идеократии» не постулируется как неотвратимый исход развития государств: «...если демократический образ правления хорош для Швейцарии или Голландии, то это не означает, что он применим для стран Южной Америки или даже в Испании – где слишком либеральное управление может привести к анархии и гражданской войне» [Там же, с. 160]. Впрочем, при всей осторожности высказываний в адрес Запада Малевский-Малевиц признает характерный для евразийства посыл упадочности западного либерального релятивизма и утилитаризма, поскольку в результате этого «постепенно все классы общества... забывают общественный и государственный интересы и начинают стремиться исключительно к индивидуальной, экономической выгоде, что приводит не только к обострению социальных конфликтов, но и к постоянным экономическим и финансовым кризисам» [Там же, с. 158]. Тем не менее и в данном случае автор находит позитивные изменения на Западе, где жизнь не исчерпывается только перечисленными явлениями: «...во многих западных демократиях, несмотря на кажущееся отсутствие “идеалов”, фактическое правление базируется на высоких принципах христианской культуры и морали, на гуманитарности, на защите прав человека и гражданских свобод» [Там же, с. 158].

Оправдывая авторитаризм, Малевский-Малевиц, тем не менее, постулирует принцип «свободной информации» (противопоставляемый политике «железного занавеса», поскольку в понятие «свободной информации» включен «императив широкого общественного осведомления о настоящем внутреннем политическом, экономическом, социальном и культурном положении страны, а также о положении и о событиях, происходящих во внешнем мире» [Там же, с. 155]) и примата человека относительно государства. Такое «правильное» сочетание диктатуры и демократии, о котором вели речь основатели евразийства¹⁰, образует, по его мысли, «моральную основу государственности». И в данном случае Малевский-Малевиц действует вполне в русле концепции справедливого «государства правды» Алексеева, которое действует, исходя из неразделимости политики и морали, и соединяет «примат народа над властью» с принципом служилого характера государства, согласно которому оно становится слугой народа.

«Принцип максимальной личной свободы» (свобода слова, печати, вероисповедания, передвижения, творчества), который воплощен, по Малевскому-Малевицу, в западных демократиях, он соединяет с принципом «гарантийной роли государственной власти». Однако идея синтеза прав личности с гарантийной политикой государства близка к соответствующему концепту гарантийного государства Алексеева. Единственное, но важное отличие доктрины Малевского-Малевица со-

стоит в том, что он для этого синтеза берет принцип прав личности из западной политической практики, в то время как Алексеев стремился заменить его специфическим евразийским принципом «правообязанности» [Алексеев, 2003б, с. 155–168]. И здесь нет непримиримого противоречия. Концепт «правообязанностей», по Алексееву, подразумевал нахождение баланса между правами индивидуума и интересами всего общества, что противопоставлялось западному эгоистичному индивидуализму и либеральной теории прав человека. Малевский-Малевиц предлагает сделать то же самое, признав, правда, за западной политической практикой защиты прав человека приоритет и отказавшись от ее критики. Критикуется им (и в этом он вторит Алексееву) лишь буржуазно-демократическая приверженность абсолютной рыночной свободе, поскольку «неограниченная и бесконтрольная деятельность частных предприятий приводит к эксплуатации трудящихся и к экономике, обращенной не на обогащение всего общества и страны, а только к выгоде для некоторых, часто наименее полезных и достойных их членов».

Постулируя «гарантийное государство», призванное обеспечивать гармонизацию принципов свободы личности западного образца с интересами общества в целом и всеобщим благом, Малевский-Малевиц ведет речь о необходимости установления в политической сфере идеократии. Именно она вносит в проекте идеальной политики Малевского-Малевица то начало, которое он сам открыто обозначил как авторитарное. Правда, идеократия его на этот раз жестко противопоставлена фашистской и коммунистической идеократиям. Последние объявлены тоталитарными и тираническими, антинациональными и антигуманными, а также антидемократическими. Впрочем, новая идеократия, которая, по мнению Малевского-Малевица, не должна быть отброшена, несмотря на то, что ее скомпрометировали фашистский и коммунистический эксперименты, будет отличаться тем, что в ее основу положена идея, способная обеспечить «условия длительного мира, благоденствия и расцвета» [Малевский-Малевиц, 1972, с. 159].

Вместе с тем автор ставит вопрос о противоречии принципа гарантийного государства и идеократии¹¹, который так и не прозвучал открыто на страницах евразийских изданий¹². Указывая на кажущуюся очевидность того, что «либо гарантия демократических свобод, либо правление идеократическим отбором, т.е. людьми, объединенными общей для них идеологией, подчиняющимися последней и отстраняющими от правления прочих граждан страны» [Там же, с. 162], Малевский-Малевиц призывал не торопиться с выводами. Ответ на поставленный вопрос он дает вполне в евразийском духе, заявляя, что группа идеократов призвана создать условия для исключительной устойчивости основ гарантийного строя (в демократии же «случайный выбор», сделанный электротом, способен все испортить) и предотвратить сползание к тирании и беззаконию: «даже в совершенно свободных и либеральных, в принципе, демократиях власть может легко оказаться в руках одного человека или очень узкой группы людей..., в каком случае демократическое управление моментально превращается в режим силы, в тиранию» [Там же].

Как видим, платоновская идея философов-мудрецов продолжает играть в рассматриваемой концепции ту же роль, что и в евразийстве исходного образца, однако в трактовке Малевского-Малевица эта диктатура призвана защищать именно демократию, сохраняя status quo и выполняя, по сути, функцию незыблемого и непреклонного гаранта конституционных основ. «Мудрецы-гаранты» правят в данном случае не напрямую, а лишь «приглядывая» за действиями правительства: «Исполнительная власть в подобном “гарантийном” государстве должна находиться в руках главы государства и правительства. Она должна подлежать *государственному* контролю, – своего рода “Высшему Суду” или особой магистратуре, наделенной широкими правами» [Там же, с. 142]. Впрочем, подобная политическая система, по Малевскому-Малевицу, предстает и как наиболее эффективный механизм управления, что характерно для схожей риторики Н. Н. Алексеева: «Преимущества подобной формы правления – ее целеустремленность и постоянство. Недостаток большинства существовавших или существующих режимов – отсутствие в них идеологического принципа, что способствует анархическим колебаниям государственной политики, зависящей от случайных импульсов тех или иных политических групп момента...» [Там же, с. 141].

В данном случае Малевский-Малевиц не делает никаких отсылок к Востоку, наоборот, провозглашаемый им курс скорее выдержан если не в духе равнения на Запад, то в духе примирения с Западом (хотя надо понимать всю условность такого «вестернизма», ведь западная модель демократии берется за основу лишь в связи с признанием принципа примата прав человека, но не политической системы). В этом смысле его доктрину небезосновательно можно считать «деориентали-

зированной» евразийством. Впрочем, это не помешало Малевскому-Малевичу оставаться на позициях обоснования природы России-Евразии как самодовлеющей культуры-цивилизации, ни Европы ни Азии: «Различные расы и национальности, входящие в Советский Союз, при всех их этнических и лингвистических особенностях и отличиях, объединены совместным историческим прошлым и общей культурой, отличной от культур Запада и Востока, составляющей как бы синтез Европы и Азии и представляющей самоценность не только для себя, но и для всего человечества» [Там же, с. 146].

С нашей точки зрения, в работе С. С. Малевского-Малевича изложен один из вероятных путей эволюции евразийской модели идеального государства будущего. В рамках этой доктрины признается необходимость авторитарной политической системы в России, сочетающейся с основами западной демократии, гарантирующими права личности. Таким образом, евразийство, изначально не определившее четко свою идентификацию в рамках дуальности «Восток–Запад», пусть медленно и неуверенно, но все же могло двигаться в фарватере смягчения критики Запада и ассоциируемой с ним представительной модели демократии.

Примечания

¹ Как отмечает Р. Р. Вахитов, «хотя в большинстве современных научных работ, касающихся евразийства, утверждается, что евразийство 20–30-х гг. хорошо изучено, тем не менее очевидно, что без наличия более или менее полного собрания сочинений евразийцев вряд ли можно говорить о каких-либо окончательных оценках евразийства» [Вахитов].

² Эта точки зрения разделяется целым рядом авторов [Хоружий, 1992, с. 78; Соболев, 1994, с. 41–45; Пащенко, 2000, с. 233–242].

³ Говоря о неизбежности перехода европейских государств от либеральной демократии к идеократии, Трубецкой писал: «Самая крупная революция послевоенного времени – революция русская – и гораздо менее крупная, но все же наиболее значительная из всех собственно европейских послевоенных революций – революция итальянская, – обе привели к созданию идеократического строя...» [Трубецкой, 1995, с. 412].

⁴ Евразийцы обосновывали необходимость углубления свершившейся в России революции, но не демонтажа ее основных результатов: «Евразийцы сознательно определяют себя как группировку второй фазы революции, ставящую себе задачей преобразовать существующий строй путем устранения коммунистической партии» [Евразийство, 2002б, с. 170].

⁵ «Платон не любит свободы и хочет порядка. По настроениям своим он реакционный мыслитель... Платонова политическая система есть единственный в своем роде образец идеократии. По духу своему она ближе всего к тому, что ныне носит имя фашизма» [Алексеев, 2001, с. 65–66], – таковы критические оценки Н. Н. Алексеева, содержащиеся в его книге 50-х гг. прошлого века «Идея государства». Как справедливо отмечает А. В. Поляков, эти оценки прямо противоположны тем, какие Алексеев давал в работах, напечатанных им в изданиях евразийцев в 20-е – 30-е гг. [Поляков, 2001, с. 346–358].

⁶ Этот тезис оказался весьма контрастирующим с идеями раннего евразийства. «Наше отношение к Азии интимнее и теплее, ибо мы друг другу родственнее», «надо не устывать подчеркивать родство азиатских культур с евразийской и их давнее интимное взаимодействие...», – говорилось в коллективном политическом манифесте «Евразийство: опыт систематического изложения». В нем же одновременно отражена антиевропейская максима, евразийство представлено пусть и не как «проповедь священной войны Европе», но как «признание европейской культуры за еретическую, за променявшую небо на землю и потому искаженную и неудержимо стремящуюся к своей гибели» [Евразийство, 2002а, с. 153–154].

⁷ С. С. Малевский-Малевич (21.02.1905, Петербург – 05.06.1973, Париж) являлся двоюродным братом главного «финансиста» евразийского движения – Петра Николаевича Малевского-Малевича, получившего на организацию пропагандистской и идейно-теоретической работы евразийцев внушительный по меркам того времени грант от британского бизнесмена Генри Сполдинга. Святослав Малевский-Малевич играл в евразийском движении в то время, судя по всему, неприметную роль: никаких сочинений в евразийских сборниках за всю историю существования евразийских изданий за его подписью не выходило. Именно поэтому в подавляющем большинстве работ о евразийстве он практически не упоминается. Сам же Святослав Малевский-Малевич известен только как художник-постимпрессионист и муж известной писательницы Зинаиды Шаховской. Тем не менее не исключено, что работа С. С. Малевского-Малевича «СССР сегодня и завтра» является последним и единственным идеологическим сочинением, которое было издано бывшими участниками евразийского кружка в послевоенное время и в котором сохранены основные идеи евразийской политической доктрины, а евразийство позиционируется как не утратившая актуальности идеология.

⁸ Идеократия Трубецкого должна была менее всего походить на западную демократию: «современные ущербленные и искаженные воплощения идеократического строя в Италии и СССР не представляют еще идеократии в ее чистом виде, а потому и не свободны от чуждых идеократическому строю неизжитых элементов и

обломков иного строя (особенно строя демократического)» [Трубецкой, 1995, с. 415].

⁹ Как отмечал, например, Н. Н. Алексеев, «в современных демократиях в руках имущих классов находятся все основные пружины, при помощи которых вырабатывается демократическое общественное мнение... Сам политический режим демократии создает особо выгодную почву для денежной и политической спекуляции» [Алексеев, 2003г, с. 480].

¹⁰ Н. Н. Алексеев, предлагавший после прихода к власти в СССР евразийцев оставить в неприкосновенности советский институциональный дизайн, писал: «...советская система слагается из диктатуры единой партии и из ряда “представительных” учреждений. Первая воплощает начало постоянное, вторые – начало подвижное. Правильное сочетание этих двух начал и составляет основную задачу евразийской политики» [Алексеев, 2003а, 182].

¹¹ Принцип идеократии появился в политической доктрине евразийства раньше, чем идея «гарантийного государства». Последняя развивалась Н. Н. Алексеевым в 30-е гг. XX в., но не связывалась им с тоталитарными диктатурами Италии и СССР, подразумевала защиту прав гражданина (чего не предполагалось в рамках концепции идеократии, в которой, в частности, Трубецким положительно оценивалась практика вождизма в советском и итальянском пореволюционных режимах) и четко противопоставлялась диктатуре [Алексеев, 2003в, 386–624].

¹² Как справедливо отмечает Е. Мороз, евразийство, провозглашая монополию своей «идеи-правительницы», отменяло политическое инакомыслие, «при этом евразийцы деликатно обходили вопрос о том, что следует делать с инакомыслящими» [Мороз, 2010, с. 19].

Библиографический список

- Алексеев Н. Н. Евразийцы и государство // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003а.
 Алексеев Н. Н. Идея государства. СПб., 2001.
 Алексеев Н. Н. Обязанность и право // Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003б.
 Алексеев Н. Н. О гарантийном государстве // Там же. 2003в.
 Алексеев Н. Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Там же. 2003г.
 Вахитов Р. Р. Труды классиков евразийства и ситуация с их републикацией [электронный ресурс]. URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/situacia.php>
 Глебов С. Евразийство между империей и модерном: история в документах. М., 2010.
 Евразийство (опыт систематического изложения) // Основы евразийства / сост. Н. Агамелян, В. Галимова, А. Гуськов и др. М., 2002а.
 Евразийство: формулировка 1927 г. // Там же. 2002б.
 Ларюэль М. Идеология русского евразийства или мысли о величии империи. М., 2004.
 Малевский-Малевиц С. С. СССР сегодня и завтра. Париж, 1972.
 Мороз Е. Евразийские метаморфозы: от русской эмиграции к российской элите // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2010. № 1.
 Пащенко В. Я. Идеология евразийства. М., 2000.
 Поляков А. В. Разочарованный странник // Алексеев Н. Н. Идея государства. СПб., 2001.
 Соболев А. В. Уроки евразийства // Евразийская перспектива. М., 1994.
 Трубецкой Н. С. О государственном строе и форме правления // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык / сост. В. М. Живова. М., 1995.
 Трубецкой Н. С. Письма к П. П. Сувчинскому: 1921–1928 / сост., подг. текста, вступ. ст. и прим. К. Б. Ермишиной. М., 2008.
 Трубецкой Н. С. Русская проблема // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. М., 1993.
 Хоружий С. С. Карсавин, евразийство и ВКП // Вопр. философии. 1992. № 2.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.02.2011